

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКЕ ПРЕДСТАВЛЯЕМ РАБОТЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ СОЛОДКО

аспирант Института социологии НАН Украины
Киев, Украина
e-mail: ssolodko@gmail.com

Трансформация социологических представлений об институциональном статусе науки в проекте Бруно Латура

В статье освещается проблема внутренней конфликтности институциональной интегрированности науки в коллективную жизнь общества, показателем чего является снижение уровня доверия к науке как общественному институту. Автор показывает, что институциональный кризис науки коренится в традиционном дуалистическом видении как непосредственно природы научного знания, так и его места и роли в конструировании социальной реальности. Исходя из предпосылок социологического метода Бруно Латура, предлагается новый взгляд на позицию науки в социальном мире сквозь призму перспективы, определяющей научное знание не как репрезентацию объективной реальности, но как одну из составляющих общего жизненного мира, которая является активным агентом изменения порядка вещей в нем.

Ключевые слова: актерно-сетевая теория, Бруно Латур, онтология науки, природа научного знания, институт науки.

Образ науки в глазах человека стремительно меняется. Представление о ней как о центральном институте, который информирует нас о том, с какими элементами реальности мы имеем дело, живя в этой вселенной, перестает доминировать в массовом сознании, и последние несколько десятков лет наука постепенно теряет свое влияние на умы людей. Если раньше можно было говорить о безапелляционной вере в научное знание среди рядовых ее реципиентов, то есть среди так называемого «населения цивилизованного мира», то сегодня скорее речь уже идет не о вере, а о доверии или недоверии к этому институту. Причем доверии достаточно осторожном, поскольку вера в прогрессивность и рациональность развития науки была радикально поколеблена тем, как использовались ее достижения во времена Второй мировой войны. Само

создание ядерного оружия, которое могло полностью уничтожить человечество, актуализировало вопрос о том, насколько однозначно прогрессивным является развитие науки, и акцентировало проблему этического аспекта научной деятельности.

Осмысление этого процесса в социогуманитарном дискурсе связано, прежде всего, с работами «Диалектика Просвещения» Макса Хоркхаймера и Теодора Адорно и «Актуальности холокоста» Зигмунда Баумана, в которых было показано, что те наиболее оптимальные методы уничтожения людей, которые были изобретены и применены при холокосте, явились прямым результатом развития той самой рациональности, которая считалась лицом эпохи модерна и главным признаком развития западной цивилизации. Позже огромную роль в переосмыслении роли науки и уменьшении ее непререкаемого авторитета сыграла интервенция в эту сферу гуманитаристики. Историзация научных парадигм и соответствующее философское переосмысление природы развития научного знания Томасом Куном пролило свет на относительную природу научной истины и стало толчком для изменения средств анализа науки (Кун, 2003).

Впрочем, настоящим переломом в истории исследования науки стала ее ревизия именно в контексте социальных отношений, чему служило появление разнообразных социологических исследований процессов научной деятельности (так называемые *science studies*), которые начались с 70-х годов прошлого века. Эмпирическая демонстрация всей внутренней кухни производства научного знания, демонстрация его относительной природы и ценностной ангажированности — все эти открытия, по крайней мере в социогуманитарном дискурсе, сместили перспективу рассмотрения природы научного знания и его роли в жизни общества. Из института открытия законов объективной реальности наука превратилась в фабрику по конструированию этой реальности.

В массовом сознании такие характеристики науки, как ценностная ангажированность, относительность открываемой истины начали эксплицироваться уже в начале XXI века. Поводом к этому стала сама научная деятельность, результаты которой публично обсуждались, а иногда даже вызывали политические конфликты. Речь идет о таких общих проблемах человечества, как глобальное потепление, озоновые дыры, клонирование и т. д., отсутствие консенсуса понимания которых вызвало публичные споры и открыло общественности существование разнообразных факторов, влияющих на ход и результаты научной деятельности. Наука тесно связана с экономикой, политикой и другими общественными сферами, и то, о чем она говорит, а о чем молчит, часто зависит от позиции ее партнеров или союзников в деле производства научного знания. Наглядной демонстрацией стал знаменитый «Климатгейт», когда в Интернете была опубликована частная переписка ученых высшего ранга по проблемам глобального потепления. Широкой публике стало доступной закулисная жизнь научного производства, со всеми ее недосказанностями, манипулированием данными и т. д. (Chameides, 2010). Такие прецеденты ставят вопрос о роли науки в исследовании и решении этих неоднозначно понимаемых проблем.

Характерным признаком современной науки является ее интеграция. Так, одной из тенденций современной лабораторной деятельности является образование так называемых «сетевых узлов» (Артюшина, 2012), то есть объединение деятельности нескольких лабораторий для усиления своих возможностей, экономии ресурсов, ускорения деятельности и т. п. Это не только оптимизирует научную деятельность, но и

снимает проблему публичных научных дискуссий и конфликтов, поскольку те акторы научной сферы, которые раньше конкурировали, контролировали и разоблачали друг друга публично, теперь, объединенные общей целью, делают это за кулисами научной жизни. Вместе с тем, такие объединения ограничивают альтернативные возможности проверки результатов научной деятельности, ведь они уменьшают круг акторов с такими же мощными интеллектуальными и материальными возможностями для подтверждения или опровержения проведенных экспериментов.

Эти процессы продолжают воспроизводить привычную репрезентацию формы и содержания научного производства, и его соответствующее позиционирование в общественной жизни как авторитетного института исследования объективной реальности. Классическим примером такого видения науки в социальной жизни является исследование Роберта Мертон. Наука рассматривается как институт общества, авторитетность которого не дает оснований сомневаться в содержании и результате его деятельности, а лишь ставит вопрос об исследовании его ценностно-нормативных регулятивов (Мертон, 1973). Мертон отталкивается от видения института науки как данности. Впрочем, именно эта институциональная данность сегодня ставится под вопрос. И вышеупомянутые попытки использования привычных капиталистических приемов монополизации ресурсов слишком явные и предполагаемые, чтобы быть выходом из положения. Поэтому актуальным является пересмотр самой природы этого института, переустановки и пересборки его социальности. Именно новое социологическое видение науки может дать ответ на вопрос, как можно вернуть доверие к этому институту.

После Мертона парадигмальными изменениями в видении науки в социологии были исследования науки и технологий (*science and technology studies*), начавшиеся в 1970-е годы. Главным образом это была попытка применения приемов социального конструктивизма к производству научного знания. Акцент сместился на исследование самого процесса деятельности ученых, на природу науки и научного знания. Для самих ученых *hard science* научная деятельность является, прежде всего, раскрытием закономерностей объективной реальности, того, что называют природой. Большинство же новых социологических исследований рассматривает научное знание с другой точки зрения: как созидание социальных конструктов, достижение консенсуса относительно того, как говорить о реальности. Если для реалистов прочным фундаментом является природа и объективная реальность, то для социологов-конструктивистов таким фундаментом является социокультурная реальность и социальные взаимодействия. Радикализация позиции последних фактически нивелирует институциональный статус науки, ведь, если что угодно является социально сконструированным, то почему мы должны доверять одним конструктам и не доверять другим? В чем тогда отличие науки от других областей знания? Например, от религии?

Впрочем, такое видение науки может обернуться и против самих его авторов, которые также отталкиваются от определенных устойчивых концепций и парадигм, в частности постулируя наличие социального измерения реальности, социальных отношений и пользуются определенными конструктами в оценке деятельности своих коллег из *hard science*. Такая деконструктивистская позиция фактически может быть обострена до постмодернистского «все пройдет» («*anything goes*»). Но тупик, в который заводит науку такое ее видение, никак не решает проблему обновления институционального статуса науки и не дает ответа на простые прагматичные вопросы: как

на практическом уровне влияет наука на нашу жизнь и что мы можем сделать, чтобы сделать это влияние оптимальным с точки зрения производства счастливого и безопасного совместного существования.

Другим целостным, новаторским путем понимания природы научного знания и ее институционального статуса является подход французского социолога Бруно Латура. Это путь полного пересмотра онтологических и эпистемологических основ науки и, как следствие, всей фундаментальной парадигмы современной западной цивилизации, в которой наука является опорой устойчивости, решающей фундаментальную задачу порождения веры в определенный порядок реальности, подобно тому, как это делала религия в доиндустриальную эпоху.

В свое время классик социологии Георг Зиммель призвал смотреть на социальную реальность с точки зрения вечности. Именно таким взглядом смотрит на нее Латур. Исходя из такой перспективы, главным является простой прагматический вопрос «как это все работает?». И именно поэтому нейтральное описание научных практик в его исследованиях порой напоминает описание игр маленьких детей, которые, играя в песочнице, на вербальном уровне оперируют судьбами стран, армий и целых цивилизаций. Подобным образом научная практика манипуляций предметами, веществами, диаграммами и приборами связывается учеными с «открытием объективной реальности». Впрочем, Латур не следует причислять к лагерю социальных конструктивистов — критиков науки, он сохраняет нейтралитет и своими работами скорее предлагает пути пересмотра общественного образа науки и возможности оптимизации ее деятельности.

Подход Латура проблематизирует наиболее наглядные, но потому и наиболее игнорируемые в эмпирических исследованиях вопросы — как работает научное мышление, с какими объектами и практиками оно связано, и возможно ли оно без этого материального окружения? В ходе эмпирических исследований Латура была переосмыслена не только роль научного знания в современном мире, но и сама природа этого знания, природа его связей с другими элементами реальности, и в первую очередь с ее материальной составляющей. Наблюдение за лабораторной жизнью показало, что главным образом лаборатория — это место производства текстов с помощью различных «устройств записи», специальных приборов, которые могут трансформировать материю в письменные документы (Латур, Вулгар, 1986: 51).

Латур четко акцентирует основные моменты механизма соединения, спайки теоретического знания и материальной составляющей, слов и вещей, одновременно открывая их отдельность, пространство между ними. Такой подход предлагает новую перспективу видения природы открытия научной истины: «Несмотря на то, что ученые убеждают, что надписи, сделанные приборами, могут быть репрезентациями или показателями определенных сущностей, независимо существуют “там”, мы утверждаем, что такие сущности создаются только посредством использования этих надписей. Это не различия между графиками указывают на наличие определенного вещества, а наоборот, вещество идентифицируется с полученными различиями между графиками <...>. Мы избегали использования таких выражений, как «вещество было обнаружено с помощью биопроб <...>. Использование таких выражений привело бы к воссозданию ошибочного впечатления, что присутствие определенных объектов было задано предварительно и такие объекты просто ожидали, когда их существование откроют ученые <...>. Скорее объекты (в этом случае вещество) создаются с помощью умелой творчества ученых» (Латур,

Вулгар, 1986: 128–129). Появление научного факта или же научного объекта — это всегда процесс, действие по умелому построению отношений между элементами реальности, полученная истина — это истина взаимоотношений, взаимного структурирования и испытания сил.

Вместо того чтобы смотреть на процесс производства научного знания, занимая определенную позицию в привычной системе координат «природа—общество», как это делают социальные конструктивисты, отмечая отсутствие объективной реальности с точки зрения социального измерения, Латур придерживается нейтралитета и указывает на постепенные процессы изменений в ходе научной практики, процессы трансляции и трансформации агентов действия, применяя альтернативное их видение, которое заключается в распылении и распределении инстанции действия среди множества других агентов, которые вносят свой вклад в изменение существующего положения вещей. Каждый агент действия является не столько его источником, сколько целью других агентов, поэтому, в конце концов, довольно трудно определить, кто именно действует (Латур, 2005: 46).

В ходе лабораторных практик Латур эксплицирует новые связи и отношения, создавая определенные различия в имеющемся положении вещей и, в конце концов, выделяет новые агенты реальности, которые порождают дальнейшие действия и влияния, а следовательно, становятся реальными «объективными» участниками коллективного сосуществования. Если не выходить за стены лабораторий, то оказывается, что мы вообще не нуждаемся в обращении к понятиям природы и общества, в том, чтобы противопоставлять объективную реальность знанию о ней. Именно дуалистическое онтологическое обоснование науки порождает ее псевдоатрибут, который создает препятствия ее институциональной интегрированности в коллективную жизнь общества.

Фактически, Латур по-новому раскрывает природу объективности научного знания. В его исследованиях научное суждение становится отдельным объектом, одновременно простым (ведь оно десакрализируется, оказывается прозрачным и наглядным, перестает быть частью тайной объективной Истины) и невероятно сложным (ведь теперь мы видим всю сложность связей, образующих его, и всю ту кропотливую работу, которая обеспечивает его появление и существование). Эмпирические исследования Латура показывают, насколько тяжелым и редким является достижение коллективной объективности. Но в то же время в проекте Латура наука становится освобожденной от права на универсальность истины. Объективность возникает лишь как один из возможных режимов истины, который имеет свою внутреннюю логику, рациональность, модальность правильного/неправильного и т. д. Но при этом, как показывает Латур, эта истина циркулирует только в данной сети. К тому же производство объективности не является объективным. Отделение суждения от субъекта и становление его как отдельного объекта является длительным и сложным процессом его конструирования и убеждения других в его существовании.

Таким образом, научное знание, как и любое другое знание, в эмпирических исследованиях Латура позиционируется не как отражение реальности или единственная доступная нам реальность, а как одно из ее измерений, своеобразное приложение к материальному измерению. Хотя и «приложением» его называть не совсем корректно, так как для Латура нет чего-то основного и дополнительного, а скорее открываются разнообразные проявления реальности, в которых можно выделить определенные взаимосвязанные агенты действия. От видения знания как дуалистической

репрезентации объективной реальности Латур предлагает перейти к знанию как составляющей реальности, как действию и процессу, практике, что меняет положение вещей. Для Латура социальное — это, прежде всего, связи, образованные между элементами реальности, связи, которые и определяют ее движение. Собственно, в современном мире производство научного знания — это одновременно и одна из главных сфер производства этих связей. Поэтому наука выступает институтом социализации вещей, добавления новых элементов коллективного сосуществования. Называть эти элементы только материальными объектами или только семиотическими конструктами означает впасть в дуалистическую фиксацию их природы, вместо этого процессуальный анализ их вхождения в мир показывает постепенную траекторию изменения природы этого объекта, отсутствие какой-либо постоянной агентности, что приводит к соответствующим прямым последствиям. Новый объект, перед тем как стать привычным элементом социальной реальности, проходит долгий путь внутрилабораторных испытаний, обсуждений его характеристик, формы, свойств и т. п. Он открыт образованию новых связей и потенциальных изменений и трансформаций. Но после нахождения определенного консенсуса в стенах лаборатории и формулировки соответствующего научного суждения происходит «упаковка» и отделение объекта от контекста его создания. Законченный конструкт начинает свою объективную жизнь и уже сам может определять действия других элементов реальности и приводить к образованию новых объектов, что еще в большей степени закрепляет его «объективность». И главным катализатором мобильности этого объекта является его вербальная форма, то есть научное суждение, концепт, теория. Взаимное конструирование происходит как на материальном уровне, так и на теоретическом. В переплетении этих сетей смыслов и материальных вещей уже трудно разобрать, что является базовым, а что — дополнительным, в чем содержание и сила, а в чем — форма. Латур открывает одновременно материально-семиотическую природу различных коллективов, цельностей реальности. Именно благодаря этой спайке семиотического и материального, первое имеет прочный фундамент для своего действенного существования.

Но Латур отмечает, что этот процесс — это всегда движение и изменение, изменение связей и отношений между объектами. Для того чтобы мобилизовать какой-то элемент реальности, необходимо его четко выделить в отношениях с другими элементами. А когда материальное транслируется в суждение — это уже совсем другой объект, другой формы, с другими связями и другими свойствами мобильности. Такие механизмы трансляций и трансформаций невозможно заметить, используя привычный субъект-объектный подход для анализа реальности. Для Латура реальность первично лишена этой дуальности. Он демонстрирует, как объективность или субъективность агентов реальности появляется и взаимно трансформируется в постоянном движении, порожденном их сетевыми связями и зависимостями.

Сегодня специфика науки в том, что сущности, которые она производит, очень быстро становятся влиятельными агентами на глобальном уровне. Научное знание играет решающую роль в сегодняшнем мире, и заслугой Латура является то, что он проясняет природу такого мира, раскрывая систему производства и существования научного знания. В его недуалистичной картине мира наука не открывает объективную реальность и факты, а занимается проблемами и активно участвует в строительстве различных составляющих элементов нашего общего мира. Поэтому, принимая в нашу общую реальность определенный объект, мы одновременно принимаем его

мир, то есть все связи, повлекшие его возникновение и поддерживающие его объективное существование. В такой картине мира с науки снимается ее модернистская миссия — быть главным арбитром и законодателем нашего бытия.

Десакрализация науки приводит к сакрализации реальности. В недуалистичной картине мира все снова становится полным таинственности и бесконечности, в которой упорядоченные на уровне формы элементы являются скорее исключением, чем правилом. И вопрос о том, как нам существовать в этой реальности, как ее упорядочивать, какие ориентиры должны указывать нам путь, остается открытым для обсуждения и нахождения политических и дипломатических консенсусов.

В последней книге Латура «Исследование модальностей существования» (Латур, 2013) научный режим истины рассматривается лишь как один из возможных ее вариантов, наряду с религией или искусством. Сама возможность такого рассмотрения вопроса является следствием исследовательской деятельности Латура, ведь с самого начала его внимание было нацелено на исследование особенностей производства и функционирования в современном мире научного знания как главного правообладателя объективной истины. И только после тщательного освещения эмпирических особенностей производства этой объективности можно говорить о пересмотре места науки, которое она заняла в ходе развития западной цивилизации. От узурпатора доступа к истинной реальности, сквозь призму которой рассматриваются все другие сферы человеческого коллективного существования, наука перешла к роли одного из возможных режимов истины, режимов знания, который определенным образом упорядочивает действительность. Но вопрос о целесообразности именно такого упорядочения совместного существования должен быть открыт к обсуждению.

Таким образом, наука и технология перестают быть как светлыми открывателями истины, так и темными монстрами, упрощающими реальность и делающими ее искусственной. Наука и есть реальность, одно из ее измерений, одно из приложений к действительности, одновременно наука перестает быть единоличным виновником существования того мира, который она производит, так как производство научного знания тесно связано с другими сферами — экономической, политической, культурной, религиозной и т. п.

В недуалистичной картине мира миссия науки — не «открывать реальность», не говорить субъектам от имени объектов, а заниматься проблемными вопросами, давать варианты их решения. Ее деятельность должна оцениваться в зависимости от того, в какой мере ее результаты могут быть использованы для решения проблем, какие перспективы они открывают, что можно с ними сделать, как реализовать в нашем существовании. Эти результаты должны рассматриваться как ситуативные достижения построения цельностей, соединенных связями коллективов в мире неопределенности. Эти цельности должны позиционироваться не как заменяющие реальность или представляющие ее, а как сделанные из нее и в ней, сделанные с определенной целью и для определенных целей.

На протяжении своей истории наука взяла на себя слишком много обязательств и теперь так или иначе должна их отработать. Сегодня необходимо пересмотреть эти обязательства, сделать ревизию самой природы научного знания и его места в нашей жизни. Ведь наука — это часть социального бытия, поэтому ревизия ее места в этом социальном целом должна очертить границы деятельности науки как института, что в свою очередь вернет ей кредит доверия и освободит от бремени не свойственных

ей ответственностей для ее основной деятельности — производства объектов. Для этого предстоит пересмотреть привычное дуалистическое онтологическое основание, на которое опирается современное позиционирование института науки в социальной реальности, а это обеспечит изменение эпистемологического статуса научного знания.

Литература

Артюшина А. В. Социология науки и техники (STS): сетевой узел и трансформация лабораторной жизни // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 35–52. [*Artyushina A. V.* Sotsiologiya nauki i tekhniki (STS): Setevoy uzel i transformatsiya laboratornoy zhizni // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2012. № 11. S. 35–52].

Бауман З. Актуальность холокоста. М.: Европа, 2010. [*Bauman Z.* Aktual'nost' kholokosta. M.: Yevropa, 2010].

Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. [*Kun T.* Struktura nauchnykh revolyutsiy. M.: AST, 2003].

Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения: Философские фрагменты. М.: Медиум, 1997. [*Khorkkхайmer M., Adorno T.* Dialektika Prosveshcheniya: Filosofskie fragmenty. M.: Medium, 1997].

Chameides B. Climategate Redux // Scientific American, 30 August 2010. URL: <http://www.scientificamerican.com/article.cfm?id=climategate-redux>.

Merton R. The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. Chicago: University of Chicago Press, 1973.

Latour B., Woolgar S. Laboratory life. The construction of scientific facts. 2nd ed. Princeton: Princeton University Press, 1986.

Latour B. An Investigation into the Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 2013. URL: <http://modesofexistence.org/index.php/site/index>.

Latour B. Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory. Oxford: Oxford University Press, 2005.

The transformation of sociological view of institutional status of science in Bruno Latour's perspective

SERHEY YU. SOLODKO

Institute of Sociology of NAS of Ukraine,
Kiev, Ukraine,
e-mail: ssolodko@gmail.com

The article mirrors the problem of the reducing the credibility of science as an institution of society. Analyzing various reasons of this institutional crisis, the author finds a common denominator: it is a usual dualistic vision of the nature of scientific knowledge, as well as its place and role in generating social reality. Referring to the sociological perspective of Bruno Latour, the author proposes to define scientific knowledge not as the dualistic representation of objective reality but as one of the active components of our common world, which take part in changing its order of thing.

Keywords: Actor-network theory, Bruno Latour, ontology, sociology of science, social institute.